

О том, как общался в Манеже с Хрущевым, авангардистах 1960-х, старой Москве и своих путешествиях

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1764>

19 августа 2014

Собеседник

Жутовский Борис Иосифович

Ведущий

Лепешонкова Нина Викторовна

Дата записи

Беседа записана 19 августа 2014 и опубликована 9 марта 2017.

Введение

Во второй беседе Борис Жутовский вспоминает о своей короткой карьере артиста в театре Вахтангова, об учителях в Суриковском институте, работе книжного графика и появлении новой волны неформального искусства в СССР. Художник вспоминает о том, что в институте приобрел вкус, но ничему не научился, рассказывает о студии Белютина, который возил художников на пароходе по Волге и учил рисовать гвоздем и воском. Жутовский рассказывает о скандально известной выставке в Манеже и о том, как с Хрущевым и его окружением пикировался Эрнст Неизвестный.

Художник рассказывает о своем доме рядом с дачей Сталина и отмечает отсутствие интереса у мастеров начала XX века (Тышлера, Фалька) к поколению шестидесятников.

Нина Викторовна Лепешенкова: Мы продолжаем беседу с момента вашего обучения в Полиграфическом институте и студии Белютина.

Борис Иосифович Жутовский: Еще будучи в школе я стал учиться в средней художественной школе московской, но меня через полтора года выгнали. Я принес маленькую книжоночку «Модильяни» на занятия. Преподаватель это увидел, и меня отчислили. Я кончил нормальную школу, стал поступать в Полиграфический институт. В первый год я не поступил, во второй год я поступил в Полиграфический институт, где и проучился без малого пять лет. Что такое Полиграфический институт в то время? Там имелся РИФ — редакционно-издательский факультет. Было две группы: группа художников и группа редакторов. Но мы проучились таким образом всего год, и потом эту группу редакторов перевели в университет, а мы остались в Полиграфическом институте. Поэтому я даже выиграл у Эдика Штенберга когда-то картину, потому что я ему сказал, что я знаю нашего приятеля общего Женюку Шифферса дольше, чем он. Потому что я учился с ним в Полиграфическом институте — на чем выиграл картину. Значит, на кафедре было... четыре преподавателя. Кафедрой руководил Андрей Дмитриевич Гончаров, один из серьезных формалистов 1920-х — 1930-х годов, так же, как и остальные педагоги: Паша Захаров, Глеб Горощенко, Иван Чекмазов и Андрей Гончаров — вот компания. У них так было принято: первый курс ведет один, второй курс ведет другой, третий курс ведет третий, а четвертый курс и диплом ведет Андрей Дмитриевич Гончаров, глава кафедры.

” Эта группа формалистов, которая уцелела, они жутко боялись за свою жизнь и были в высшей степени осторожны. Поэтому лозунг был такой: мы вам прививаем вкус, а умение вы заработаете тогда, когда начнете жить самостоятельно.

Поэтому за семестр надо было сделать пять работ. Это делалось в один день, все остальное время мы сидели, рисовали натюрморты, гипсы, натуру обнаженную, портреты — то, что полагается обычно в каждом художественном вузе. Длинные скучные карандашные или акварельные занятия. И надо сказать, что действительно мы вышли оттуда людьми, хоть что-то представляющими себе, потому что преподавал Ильин — искусствовед грандиозный. Западную литературу — Кучборская знаменитая. Вам, может быть, эти фамилии ничего не говорят...

Н.Л.: Почему, Ильин и Кучборская, я знаю...

Б.Ж.: Кучборскую наверняка знаете. Так что мы вышли оттуда образованными, но неумелыми.

Вечер прощания с Эрнстом Неизвестным в его мастерской на улице Гиляровского. Слева направо: Борис Жутовский, его дочь Ирина, Эрнст Неизвестный, Даниил Данин, Петр Вегин. Март 1976

Работа в Свердловске

У меня была романтическая история: я дружил с приятелем с четвертого класса школы Женькой Цукановым и дружу до сих пор. Он кончил институт раньше меня на год, потому что я не попал. Он кончил Бауманский институт и был распределен, тогда же распределяли на работу. Его распределили на Уралмашзавод в Свердловск. И когда через год стали предлагать мне распределение, я сказал, что хочу в Свердловск. Заявки от «Свердловского книжного издательства» не было, но я пошел в Министерство культуры РСФСР, и они с удовольствием дали мне туда направление.

Я уехал работать на Урал. Я не умел ровным счетом ничего. Я вспоминаю тот год, который там провел, с содроганием.

Одновременно с этим я был художественным редактором, ко мне приходили люди за работой, я принимал у них работу, отдавал в производство. Как они меня все терпели, я не знаю, а я был молодой, наглый, самоуверенный, достаточно легкомысленный человек. Жил я там в чулане, я снимал чулан холодный, спал я там в спальном мешке, на морозе, и ходил на работу в это книжное издательство.

В книжном издательстве был главный редактор, фамилия его была Крупаткин, а руководителем Союза художников Свердловска был человек по фамилии Вязников. В какой-то момент Вязников решил издать

в книжном издательстве свои зарисовки «На целинных землях» — тогда было освоение целины. Это было убогое рисование до невозможности. Я сказал, что я это издавать не буду. Конечно, Вязников на меня заимел зуб, и Крупаткин, главный редактор издательства, тоже заимел на меня зуб. Директор издательства был Сосновский — человек, которого сослали за какие-то провинности быть директором издательства. Он говорил так: «В этом квартале мы должны выпустить книгу... как она... этой женщины... Марии Ремарк... „Время жить и время помирать“».

Это был директор книжного издательства. Крупаткин написал на меня донос первому секретарю Свердловского обкома. Он был первый секретарь обкома и член Президиума ЦК. Значит, он меня вызвал к себе. Донос состоял в том, что я воспитываю художников в формалистической манере. Какая манера — я ничего не умел. Я его послушал... наглый до безумия, и говорю: «У вас есть листочек бумажки?» Он удивился, дает мне листочек бумажки. Я беру его ручку и пишу: «Прошу освободить меня от занимаемой должности по собственному желанию». И ушел. Потому что де-юре они должны были мне предоставить жилье, еще целый ряд каких-то обстоятельств, которые должны были сопровождать молодого специалиста, приехавшего по распределению. Этого ничего не было. Я жил в чулане. И я сказал, после подачи заявления первому секретарю: я две недели работаю, как полагалось по КЗОТу, и дальше не выхожу на работу. И я через две недели собрал вещи и уехал назад, в Москву.

Студия Белютина

Там, в Свердловске я подружился с двумя художниками... с тремя: Мишей Брусиловским, Витей Воловичем и Лешей Казанцевым. Рассказывать о них — отдельная история, потому что биографии и того и другого — невероятные. Эти биографии вы можете прочесть в двухтомнике, который вы в прошлый раз не взяли, биографии этих людей невероятные. Мишу Брусиловского вели в Бабий Яр и вытолкнули и увезли в деревню и он таким образом уцелел. Алеша Казанцев вместе с отцом был сослан в устье Оби, где гэбэшники селили их в баржи и расстреливали сверху и пускали баржи в океан. Они с отцом успели удрать от этого дела и жили в бараке, который до самого начала войны имел колючую проволоку и вышку. Когда я приехал, вышки не было, колючей проволоки уже не было, но они жили в том же самом бараке. Это вкратце. Я с ними подружился очень, а поскольку я не умел рисовать, а они умели, то я... И они очень любили ездить раз — два раза в год куда-нибудь отдельно, рисовать. И мы с Витей Воловичем поехали к моей двоюродной бабушке в Ригу — рисовать Ригу. С этого момента начались мои путешествия, а я до этого, пока учился в институте, излазил все горы, сколько можно, потому что я доставал выгодные путевки на пароходе декану, и он закрывал глаза, что я припаздывал к сентябрю.

Мы поехали в Ригу и там начали рисовать. Потом мы еще съездили три или четыре раза вместе рисовать в Одессу, в Среднюю Азию, отдельные длинные приключения. Но я начал рисовать. Вот это уже было рисование. Одновременно с этим... хотелось чего-то, знать что-то важное о ремесле. И в этот момент в Москве прошел слух, что организована студия Белютина. Что это такое? В 1935 году в Москве был организован Комитет художников книги, графики и плаката. Что это такое? В издательствах работал целый ряд людей по договорам и по счетам. Это иллюстраторы, обложечники, ретушеры, чертежники, перерисовщики — они не были в штатах издательства, они были вне штата. Советской власти необходимо было их каким-то образом собрать в кучу, чтобы за ними следить. Был организован этот Комитет художников книги, графики и плаката — профсоюзная организация, не имеющая никакого отношения к Союзу художников, потому что Союз художников была творческая организация. Они до Союза художников не могли подняться, потому что они мало умели. И была организована при Комитете художников книги, графики и плаката студия повышения квалификации, во главе которой был поставлен Белютин. Белютин уже имел репутацию. До этого он даже устроился преподавателем в Полиграфический институт. Андрей Дмитриевич Гончаров потерпел его один год и выгнал, потому что он революционные обстоятельства предлагал профессии, тем самым напугав этих стариков безумно: им же надо было доживать жизнь. И началась эта студия Белютина, туда потянулось безмерное количество народу. Эта студия имела филиалы в Доме моделей, другом Доме моделей, в Педагогическом институте. В лучшие времена число студентов у него доходило до трехсот человек. Мы снимали, например, дом отдыха

под Можайском и приезжали туда на этюды, рисовать. Или снимали пароход, и пароход плыл по Волге с нашим маршрутом. Он останавливался там, где мы говорили, мы выходили в этот городок и писали, рисовали, потом грузились. Это было невероятно. Приключения, обстоятельства этих поездок — тоже невероятно. Но это была живая жизнь. Над нами все издевались, потому что рисовать он учил гвоздем, губкой, воском... энкаустики.

Б. Жутовский. Свидание с детством. 1973

Н.Л.: Энкаустики?

Б.Ж.: Энкаустики. Вот одна висит у меня энкаустика здесь и там, в комнатке, потом поглядите. Над нами все глумились. Это же вот эти времена — конец 1950-х, 1958-й, 1959-й — свобода. И мы устраивали выставки.

” Нас не смущало, что после наших выставок директора этого заведения снимали к чертовой матери. Дом кино — снимали, Дом Герцена на Пушкинской — снимали, потом какой-то еще на шоссе Энтузиастов Дом культуры — снимали. Но нам наплевать. Мы занимались новым искусством, яростно.

Когда мы встречались, говорили только: «Работаешь? Пишешь?» — «Пишу». Одновременно с этим они же все работали, зарабатывали деньги. Я зарабатывал в «Книге». Приехав из Свердловска, я стал

работать внештатно сначала в нескольких издательствах, а потом угнездился в издательстве «Молодая гвардия», где и проработал сорок лет. Ко мне там хорошо относились, я делал большие серьезные книжки, пришелся ко двору.

О самом Белютине

Почему я говорю, что это педагоги? Потому, что эти люди учили своих учеников, преподавали им то, что знали, что умели, без всякого внимания, расположения к ученикам. Почему дедушка — учитель? Вы прочитали письма, понимаете, что он — учитель, и жизни, и творчества. Учитель действительно. А те были педагоги, и Белютин в том числе. Кончилось это все 1962 годом, скандалом в Манеже.

” Белютин был одаренный человек. По-моему, он был гениальный мошенник. Он где-то все вычитывал, в основном, учился у поляков, трансформировал в башке и выдавал нам каждый раз задания.

Надо сказать, это все было привлекательно, зажигательно. Его боготворили. Когда он не так давно умер, небольшое количество оставшихся в живых студентов, особенно, дамы: «Горе у нас, горе, Элий Михайлович умер, Элий умер!». После Манежа мы разошлись, некоторое количество было встреч странных, и мне не хотелось бы о покойнике совсем дурно говорить. Прелесть его прежде всего состояла в том, что он был единственный. В этот момент в Москве что было? Была группа кинетистов, во главе которой стоял Лева Нусберг, эмигрировавший. На сегодняшний день из них остался один Инфанте. Была группа лианозовцев, где был, по-моему, единственный оставшийся в живых на сегодняшний день Оскар Рабин. Были еще какие-то группы, не такие значительные, сейчас даже не помню какие, но все время возникали какие-то «шайки». Как говорил Костя Рудницкий: «Настало время в искусстве работать шайками». Если мы с вами оглянемся на историю искусства, то увидим, что «Бубновый валет», дадаисты, сюрреалисты — все в начале убеждений в выбранном пути объединялись в команды. Баухаус. Баухаус — Клее, Кандинский. То есть, мне кажется, что это на самом деле естественное желание: объединиться в группе, чтобы убедить себя, убедить окружающих, увериться в правильности выбранного пути, и одновременно с этим друзья, соратники тебя поддерживают... Секта. Так же, кстати говоря, как, скажем, скандал в Манеже возник ведь не по нашему поводу. Скандал в Манеже возник из-за так называемой «девятки» МОСХа. Это девять членов Союза художников, которые подняли там бучу с желанием сбросить руководство Союза художников, сталинское, хрущевское — сталинское фактически и занять самим это место.

Мама Б. Жutowского на Новодевичьем кладбище у ниши с прахом дедушки Ивана Григорьевича и бабушки Марии Ивановны и отчима Игоря Александровича Горяши

Выставка в Манеже 1962 года

Эта ведь выставка какая была — это выставка была «30 лет МОСХа», юбилейная. Под эту выставку там повесили и Кандинского, и Фалька, и Татлина. И «девятка» там была: и Андронов, и Никонов, Пологова, Васнецов. Сейчас не вспомню всех девяти. Но если будет нужно, я вспомню. И вот была борьба... Мы только что вернулись с парохода и устроили отчетную выставку о своей поездке в спортивном зале на Большой Коммунистической улице, где горком арендовал этот зал для того, чтобы мы там занимались. Мы к тому времени обросли уже поклонниками, несчетным количеством иностранных журналистов. О нас писали статьи. Мы их всех пригласили на выставку, и на следующий день мир взорвался, что в Советском Союзе есть современное искусство. А началось это с того, что огромное количество журналистов пришло на Кубу в Гавану, где находился Микоян, который разгребал эту ракетную историю на Кубе, когда чуть-чуть не началась третья мировая война. Ракеты на Кубе, вспоминаете, о чем я говорю?

Н.Л.: Да-да, я прекрасно понимаю.

Б.Ж.: Вот. И к Микояну все подсунулись: что там за выставка такая, а он ни сном, ни духом. Микоян звонит в Москву, ему никто ничего не может ответить. И тогда, на второй день, к нам на выставку пришло человек десять серых человечков, которые ходили и все записывали. Мы же были советские люди, мы всё поняли. Мы молниеносно сняли выставку. И последний, кто увозил свои работы, видел, что подъехали

черные «Волги» с кучей народа, чтобы забрать выставку, — а ее уже нет. И тогда человек по фамилии Поликарпов, один из крупных негодяев советского периода, цэковский человек, позвонил Белютину и предложил нам выставиться в Манеже. Нам сказали про посещение Хрущева, и мы решили: барин приедет — барин нас рассудит.

Н.Л.: Наконец-то.

Б.Ж.: Ночь мы вешали и расставляли свои картинки. Белютин понимал, что умение его студийцев не бог весть еще какое, поэтому он пригласил на выставку своего любимого ученика из Полиграфического института, где он занимался год, Володю Янкилевского, а еще Юру Соболева, Юло Соостера и Эрнста Неизвестного... Эрнста Неизвестного я ему посоветовал позвать. Отчего выставка сразу приобрела иной уровень, и все мы отправились в Манеж. Ночь мы вешали и расставляли, ночь буквально. В пять утра я уехал домой, принял ванну, переоделся и в половине девятого был в Манеже. Нас пустили туда, если не ошибаюсь, семнадцать человек всего. Сам Белютин составлял, что называется, списки. Ну и дальше началась вся эта канитель с Манежем, рассказанная, написанная, уже перемытые кости. Я вам не стану это пересказывать, потому что это, в общем, скучно.

Н.Л.: Нет, ну почему же, ваши впечатления... У каждого ведь свое видение момента.

Б.Ж.: Ну что я вам могу сказать? Значит, кратко. Что такое Белютинская студия? Во-первых, это единственная студия, не с чем было сравнивать. Во-вторых, он безусловно талантливый педагог. Талантливый педагог, тщеславный до бесконечности, с тяжелым характером... на грани психиатрии. В Манеж пригласили Хрущева для того, чтобы расправиться с «девяткой» МОСХа, его там водили, а потом, привели к нам наверх. Он поговорил со мной, я, что называется, был первый. У меня там висело четыре картины, и он ко всем четверем подошел — то есть я был *титурованный* негодяй. И когда он пошел во второй зал, где был Юра Соболев, Юло Соостер и Володя Янкилевский, я не пошел туда, я пошел покурить — там был такой предбанничек маленький. Я курю, и вдруг из этой комнаты выходят Серов и Преображенский. Преображенский — тот, который вел Хрущева по всей этой выставке, а Серов был президент Академии художеств СССР. Они посмотрели на меня как на пустое место, хотя я четырежды был перед глазами, и фотографировали меня, и разговор, крик был. Они похлопали друг друга по плечам и сказали: «Как же мы здорово это сделали, какие же мы умницы! Как нам это удалось!». Потому что в первом зале, где вот был, досталось всем, всем абсолютно, и Белютину в том числе. Когда он вышел из зала Володи Янкилевского, он решил уходить — Никита Сергеевич.

И тут к нему выскочил Эрнст Неизвестный. Надо сказать, он был старше нас всех и фронтовик, уже взрослый человек. Он сказал: «Никита Сергеевич, вы глава государства. Я хочу, чтобы вы посмотрели мои работы». Тот оторопел. С ним никто так давно не разговаривал.

Чиновники вокруг заулыбались от счастья, видя, как кто-то разговаривает... И он пошел в зал к Эрнсту. Внизу в главной экспозиции тоже были работы Эрнста, маленькие, «Война» назывались эти работы. Он был членом совета Союза художников, у нас было два члена совета Союза художников: Рабичев, который жив до сих пор и которого вам надо тоже попросить, если успеете...

Н.Л.: Да-да. Я к нему пойду.

Б.Ж.: Если успеете, потому что ему девяносто с чем-то лет уже, и Эрнст. Там, в зале, завязался разговор, потому что Эрнст не молчал. А внизу были его скульптурки, и когда Никиту к нему подвели, он стал там орать: «Где он бронзу взял? Где он взял бронзу? У меня на ракеты бронзы не хватает. А кто-то тратит бронзу здесь». Но бронзу он взял, потому что водопроводчики ему таскали старые краны, и он их переплавлял. Никто ему этого не объяснил. Но в какой-то момент их разговора вдруг на него выскочил Шелепин, глава КГБ на то время*, и стал орать: «Ты где бронзу взял? Ты у меня отсюда никуда не уедешь».

На пустом месте. А «никуда не уедешь», потому что Никита несколько раз говорил: «Вас надо посадить». Мне он говорил: «На лесоповал!». Я говорю: «Никита Сергеевич, я работал». Он протягивает руку, я ему пожал руку: маленькая, теплая, сухая ладошка. — «Да, ты работал». И отсюда была фраза: «Ты у меня никуда не уедешь, вот тебе... — А потом Никита сказал: — Нет, мы вам дадим деньги до границы, и езжайте на свой Запад». «Ты у меня никуда не уедешь».

* Шелепин возглавлял КГБ до 1961 года; в 1962 году он был председателем Комитета партийно-государственного контроля — ред.

На что Эрнст тут же посмотрел на него огромными черными глазами и говорит: «Ты глава КГБ, у тебя есть пистолет? Дай мне пистолет, я сейчас здесь застрелюсь. Это дело моей жизни».

И Шелепин тут же куда-то исчез. Способность их вот так исчезать — фантастическая совершенно. На меня Никита орет — со мной разговаривает. Вдруг из-за его плеча вылезает морда Аджубея, и он говорит: «Никита Сергеевич, они картины иностранцам продают». Никита совершенно побагровел, смотрит на меня. Я говорю: «Никита Сергеевич, я даю вам честное слово, что ни один из художников, которые висят здесь на выставке, никогда не продавал картины иностранцам». Поднимаю глаза: Аджубея нет. А тесно, народу-то много... Способность вот так пропадать — отдельное поведение царедворца. Вот вся история фактически.

Последствия скандала на выставке

Дальше началась уже своя «спокойная» жизнь. Директор издательства, где я работал — «Молодой гвардии», вызвал меня к себе и говорит: «Вот что, Боба...» А мы уже свои люди, директор издательства, бывший секретарь районной комсомольской организации в Свердловске Мелентьев, я его оттуда еще знал. Он говорит: «Ну, Боба, не больше двух книжек в год». Я говорю: «А где ж я буду [зарабатывать]?..» А главный художник говорит: «Рисуй, сколько хочешь, но фамилии ставь других художников. Они тебе будут давать деньги». Вот так решалась эта судьба финансово, материально. Ну, а в 1964 году Хрущева сняли, так что... Печать формалиста все равно была, но уже не так, чтобы лишать работы. Вот такая история.

Н.Л.: Да, занимательно.

Б.Ж.: Вот я вам рассказал вкратце про учебу.

Б. Жутовский. «Портреты века»

Какой была Москва

Н.Л.: У меня еще, знаете, есть вопрос. В прошлый раз мы говорили о вашем детстве и вашей жизни в Москве. А мне бы хотелось еще услышать от вас о Москве того времени. Какая она была?

Б.Ж.: Во-первых, по-моему, я говорил об этом. В «Новой газете» за этот год было три полосы, я им рассказал про свой дом, потому что из восьмидесяти двух лет я семьдесят шесть лет живу в одной и той же квартире в одном и том же доме. Я рассказывал про мою Москву. Моя Москва — это Кутузовка, это моя родина, что называется. На самом деле родился я на Подвесках — у метро «Новослободская», и там жил до четырех с половиной лет. Так что я почти на родине, и там на родине. Я там все подробно-подробно, весело рассказал. Можете взять и почитать, а потом зададите какие-то вопросы, наверное, по этому поводу. Какая была Москва? Совсем другая.

Н.Л.: Хотя бы маленькую зарисовку какую-нибудь, самое такое впечатление...

Б.Ж.: До моего дома не ходил никакой транспорт. Транспорт ходил только до окружной железной дороги, где сейчас метро «Кутузовская», дальше мы шли пешком. А потом построили мостик, и через него стал ходить трамвай. Трамвай ходил по однопутной. Там была будочка, и пропускали то в эту сторону трамвай, то в ту, то в эту, то в ту. Троллейбус «2» ходил только до Дорогомиловской заставы, за пять остановок от моего дома. Из окон были видны поля, где мужик плугом ворошил землю и овсы.

”

Через Поклонную гору шла дорожка на дачу Сталина, где мы катались на коньках, и гэбэшники нас гоняли, когда он должен был ехать. Сталин ездил на трех машинах, Хрущев — на пяти, Брежнев — на девяти, а теперешний президент — на четырнадцати.

Это все проходило там, где стоит панорама... Бородинской панорамы не было, естественно. Я вам покажу фотографию, она в книжке тоже есть, фотография из моего окна 1947 года. Там пустырь, здесь теперь стоит панорама. А на том месте, где стоит памятник Кутузову, был наш огород, мы там сажали картошку.

Н.Л.: Ничего себе.

Б.Ж.: Вот какая была жизнь. На Второй Поклонной улице были свезены избушки с лицевой стороны шоссе, и там жила тетя Фрося — наша молочница, ну и была корова, и она носила нам молоко, а муж ее торговал редиской и укропом на Дорогомиловском рынке. Это отдельный рассказ, не сегодня, я думаю.

”

Соседи по лестничной площадке у нас были — семья одного из двадцати шести бакинских комиссаров. История этой семьи — это «сага о Форсайтах»: что сделала советская власть с этими людьми — чудовищно.

Н.Л.: А в следующий раз расскажете?

Б.Ж.: Ну конечно расскажу. Историй много, я же вам говорю. Эта история очень длинная, и она как бы не к сегодняшней теме... Про Кутузовку я могу рассказывать часами, я прожил там всю жизнь.

Н.Л.: А какое было освещение у вас в детстве?

Б.Ж.: Где, на улицах?

Н.Л.: На улицах.

Б.Ж.: Фонари были, фонари.

Н.Л.: Их много было?

Б.Ж.: Во всяком случае, светло. Это все-таки была трасса, по которой Сталин ездил, Хрущев ездил, правительственная трасса. Гэбэшники торчали вдоль нее все время. Я их отличал очень хорошо, потому что весна, солнце греет, а они еще в валенках с галошами — не дали еще сапог. Один из таких охранников был мой одноклассник, до седьмого класса мы с ним учились, Пантюшин, а потом он, наверное, после седьмого класса кончил какую-нибудь школу и стоял... Я говорю: «Пантюха, ты что делаешь?». Он: «Уйди, я на работе».

Н.Л.: А в школе учились там же?..

Б.Ж.: Да-да-да-да. За «Призывом». Я учился во многих школах, в том числе и в 110-й, но кончал 665-ю школу, за кинотеатром «Призыв». Это была мужская школа, до четвертого класса были совместные школы — мальчиков и девочек, а в четвертом классе мы уже учились отдельно. Это была мальчишеская школа. Девчонок приглашали только на вечера.

Н.Л.: А танцы были?

Б.Ж.: А как же, конечно, уроки танцев были. Пожилая балерина учила нас танцевать.

Н.Л.: Ничего себе.

Б.Ж.: Па-де-де, падеспань, па-де-катр, вальс и танго.

Н.Л.: То есть вечера у вас проходили в изящных танцах.

Б.Ж.: Да, конечно. Конечно.

Н.Л.: Интересно. Фокстрот нельзя было танцевать?

Б.Ж.: Это был буржуазный танец. Предпочтение отдавалось вальсу: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, до сих пор я это помню. Я ей всё время отдавливал ноги, этой балерине старой.

Выставки на Малой Грузинской

Б. Жутовский. Альфред Шнитке. 1991

Н.Л.: Меня еще интересует вопрос: а были ли у вас точки пересечения с Грузинскими улицами и комитетами? Малая Грузинская...

Б.Ж.: Малая Грузинская... Конечно. До того как вступил в МОСХ, я был членом горкома. Все мы были членами горкома: и Кабаков, и Соостер, и Соболев, и Володя Янкилевский. Я вступил в МОСХ в 1969 году. И когда наша выставка 1962 года... Потом все равно было брожение, о нас много писали, у нас были выставки за рубежом, нас собирал министр культуры, ля-ля-ля... Масса была эпизодов той жизни, и власть поняла, что нужно дать отдушину, спустить пар. И тогда назначили гэбэшного молодого прощельгу

по фамилии Ощеулов председателем горкома, и он организовал выставки на Малой Грузинской, в этом доме.

Н.Л.: Это о котором ходит легенда, что он сильно проворовался там?

Б.Ж.: Да-да-да. И довольно быстро умер. И там и были эти выставки, там мы все выставлялись. Там была секция живописи, руководил которой Володя Немухин, который был, как все в те времена, «шаечный» человек. Когда выставлялась, например, группа — Кабаков, Соостер, я, Володя Янкилевский, Соболев, Эрнст иногда, начальство МОСХовское, начальство горкомовское тоже хотело с нами выставиться, потому что это уже были имена. Там был потом Дробицкий, который все время с нами пытался выставляться, потому что компания серьезная была.

На одну из этих выставок мой теперешний сосед Юра Мираков принес свою работу. Володя Немухин сказал: «Нет, это нам не годится». Тогда Юрка, изобретательный и азартный человек, пришел домой в мастерскую, повернул картину наоборот, подрамник, клинышки. Посередине сделал, скажем условно, кучу дерьма. На этой куче дерьма насадил кучу мух, которые рыбакам продают, пластмассовые мушки. А на самый верх поставил какую-то пластмассовую херовинку и туда запустил три или четыре живых мухи. Картина называлась «Немухин», она до сих пор у него висит.

Он сейчас в отпуске, гуляет, где-то рыбачит, а поближе к осени вернется, если захотите, мы зайдем, посмотрим эту картину.

Н.Л.: С удовольствием.

Б.Ж.: Она торжественно висит у него.

Н.Л. (*Смеется*): «Немухин».

Б.Ж.: «Немухин», да.

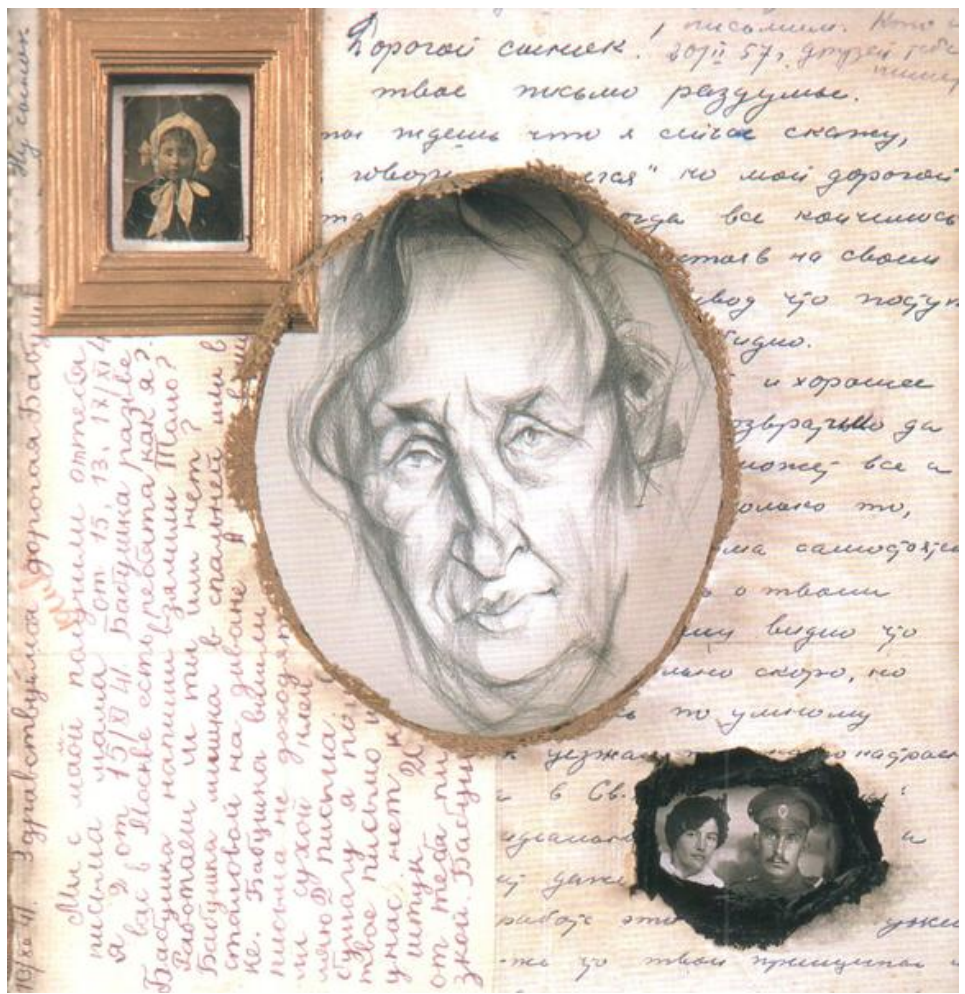
О коллекции Белютина и его жизненных установках

Белютин организовал новую группу. Он богатый был человек, он торговал и очень серьезно занимался мебелью, картинами, антиквариатом. Очень умелый человек, не бедный совсем, вплоть до того, что он собрал коллекцию, якобы Леонардо да Винчи у него, Джотто — все фальшаки. И с этой коллекцией вплоть до президента его жена и он доходили — охрана и так далее...

Когда он сильно-сильно заболел, и все понимали, что он недолг, — теперь я это понимаю, — Нина Молева, его жена, вы можете почитать ее книжки, мошеннические абсолютно, вранье на вранье, она историк по образованию, договорилась, что всю эту коллекцию дарит президенту России. За это она попросила, чтобы была сделана серия фильмов о Белютине, который рассказывает свои теории воспитания художников и взаимоотношения с искусством.

Они прошли по телевидению, после двенадцати ночи их показывали, и у меня они есть. Мой сосед, приятель по двору, который все это записал, дал диски, два диска. Все это сопряжено с азартом,

мошенничеством — так живут на свете люди. Убедить их в том, что правда интереснее выдумки, невозможно. И это не только касается моей истории или, скажем так, нашей истории. Если мы с вами покопаемся в истории, мы поймем, что любое событие с годами обрастает таким количеством легенд и придумок, что порой бывает трудно отделить правду от выдумки.

«Мамин карандашный портрет, как и саму картину, обрамляют позозолоченные кружева, которые плела на коклюшках няня Феклуша. В левом углу фотография мамы трехлетней. Справа внизу фото бабушки Марии Ивановны и дедушки Ивана Григорьевича в 1914 году. Слева мое письмо бабушке от 10.12.1941 г. из эвакуации в г. Рассказово»

О диалогах в министерстве культуры

Н.Л.: Я слышала о том, что, во-первых, он (Пикассо — ред.) сказал про Анатолия Зверева, что он является, забыла фразу... Что он действительно достойный художник советского времени. И он приезжал — я забыла, Олимпиада или что-то такое было... Нет, не Олимпиада... В общем, Пикассо был в Москве.

Б.Ж.: Нет, не было его в Москве.

Н.Л.: Не было?

Б.Ж.: Это ему отвозили в подарок то ли Андрей Вознесенский, то ли Евтушенко... Нет-нет, Пикассо не был в Москве. Пикассо на востоке был только в одном месте — в Варшаве, сразу после войны. Здесь он не был никогда. Здесь бывал Гуттузо, я с ним даже встречался. Больше не помню, пожалуй, только Гуттузо. Но Гуттузо был коммунист, так что это была вполне идеологически допустимая канитель.

Сикейроса привозили. В награду за участие в убийстве Троцкого.

Н.Л.: Но как он вам показался как человек?

Б.Ж.: Он человек был любопытный. Он быстро-быстро с нами посмотрел, что-то сказал и стал прощаться, а ныне покойный Коля Грицюк сказал ему: я вам не подам руки, вы художник и пришли к художнику, а не смотрите работы. Тот посмотрел на него внимательно, снял пиджак и стал смотреть работы.

Нет, в основном, наше питание, творческое питание — это была, конечно, пресса. Это польские, чешские журналы, газеты. Польский журнал «Проект», гэдээровский «Бильденде кюнст», чешский «Творба». Вот это было главное, источник. Ну и, конечно, время от времени приезжал кто-то, выпрашивал у нас какие-то работы, мы им, конечно, дарили, и они устраивали там, на Западе, выставочки... В 1966 году количество выставок на Западе и прессы про нас было достаточно много, и про всех: и про лианозовцев, и про кинетистов — про всех. Нас собрал министр культуры Попов и стал нам выговаривать. Это был единственный случай за всю нашу историю, когда мы все собрались вместе и разработали, как себя вести. Мы перевели кучу статей про нас — польских, немецких, чешских, и пришли в Министерство культуры. И на каждый из вопросов Попова кто-то вставал и зачитывал: «А вот газета итальянских коммунистов “Унита”...», «А вот французская газета “Юманите”...» и так далее. Как потом мне рассказала его помощница, которая была моей приятельницей, его референты ничего не знали, мы доминировали в этом. Это была роскошная история! В конце истории он понимает, что проиграл разговор: «Ну хорошо. На будущий 1967 год будет пятьдесят лет советской власти. Как вы готовитесь к этому общенародному празднику?» Мы затихли. И тогда Юло Соостер, самый старший из нас по возрасту и страдалец — семь лет лагерей отсидел (*говорит, подражая эстонскому акценту*): «Ну что вы говорите — праздник. Если нас не приглашают в буднички, какой может быть общий праздник?» Финал роскошный. Нас не приглашают «в буднички», какой общий праздник?

Н.Л.: Да.

Б.Ж.: А все предыдущее время он молчал. Поскольку он плохо говорил по-русски, мы ему ничего не поручали говорить. Так же, как, когда Хрущев начал на него орать в Манеже: «В лагерь...» — он вдруг сказал: «А я сидел семь лет в лагере», — и Хрущев тут же от него отошел.

Общение с другими художниками

Н.Л.: Не поспоришь. А в период вашей учебы с кем вы дружили?

Б.Ж.: В основном с альпинистами и бродягами, потому что за время учебы я исколесил всю Россию. Байдарки, плоты, восхождения — бродяжничество было одним из самых главных моих занятий, как и сейчас. Я ж только что приехал из Норвегии, шесть тысяч километров по Норвегии сделал, за три недели.

Н.Л.: А из художников с кем вы общались?

Б.Ж.: Из художников — со своим кругом. В основном Белятинская студия... Кое с кем из издательских работников, художников издательских, поскольку книжки делали вместе.

Из больших художников я два раза был у Фалька, один раз у Тышлера. Это люди другого поколения, они относились к нам с настороженностью и без всякого интереса. Так же, как мне сейчас совершенно не интересно, что делают молодые художники.

Н.Л.: А почему?

Б.Ж.: Не интересно. Когда я что-то вижу на выставках, меня это не убеждает, особенно при теперешних перформансах или еще какой-то дури. Когда-то Юра Соболев говорил: «Хорошо бы, чтобы нас полюбили за наши идеи». Он плохо рисовал и не любил работать. А идеи были, генерировал идеи грандиозные. Все эти перформансы — это идеи, оформленные из подручных материалов. Где ремесло-то? Где умение рисовать? Где?

Н.Л.: Ну а как же, например, суриковцы, строгановцы, их же учат рисовать?

Б.Ж.: Их учат рисовать, конечно. Как я говорю: «Суриковский институт — это компрачкосы». Их до такой степени учат... Ведь вы живете на свете. Что приходит вам на ум, чем вы пользуетесь в предлагаемых обстоятельствах? Своим прошлым опытом. То, что я умел, то, что я умею, то, чему научился. У них там была «каменная» школа советского реализма. Это был опыт. Они выходили и продолжали то же самое... В 1964 году была очередная выставка в Манеже. В Манеже были ежегодные отчетные выставки МОСХа. Была выставка только членов Союза художников, это к нам не имело никакого отношения. И один из художников, бывший мой приятель, ныне покойный, нарисовал картину «Хрущев и космонавты». Его вызывают в выставком и говорят: «Слушай, Женька, убирай картину-то». А ведь какова жизнь художников была, станковистов? Не таких, как я, книжных, а станковистов, живописцев. Существует выставком, ты приносишь на выставком эскиз, эскиз тебе утверждают и заключают с тобой договор. Ты получаешь аванс — на что живешь — и пишешь картину. Ты написал картину, теперь картина должна быть повешена на выставке, как правило, в Манеже. Она еще должна быть повешена таким образом, чтобы выставком, когда ходит по выставке, дошел до нее, потому что все обойти там невозможно. Значит, ее надо повесить на выгодном месте, чтобы выставком сказал: «Да». И тогда тебе закрывают договор и доплачивают оставшиеся 75%. Понимаете? Только после принятия картины выставкомом закрываются договоры, и ты получаешь деньги. Он повесил эту картину довольно выгодно, потому что он был активный человек. Повесил картину — «Вот, Женька, снимай...» Он: «Денег же нет, вы что, ребята? Дайте мне ночь, одну ночь, в Манеже оставьте. Я куда ничего не буду вывозить...» — «А что?» — «Я знаю, что сделаю...» — «Ну и хрен с тобой, но если ничего не получится, утром снимай». Он переписал «Хрущева» на глобус. Космонавты — и перед ними глобус.

Н.Л.: Находчивый человек.

Б.Ж.: Он всегда был такой, неглупый.

Б. Жутовский. Владимир Янкилевский. 1973

Как пытался стать актером

Н.Л.: Вы в прошлый раз говорили, что учились актерскому мастерству.

Б.Ж.: Это я в школе, в восьмом классе вдруг решил, что стану актером, потому что для меня физика, математика, геометрия, алгебра, тригонометрия... При слове «тригонометрия» у меня сыпь выступает на спине. И я сказал маме, что буду актером. Мама училась когда-то в школе с Рубеном Николаевичем Симоновым. Она пошла на свидание к Рубику и говорит: «Вот сын у меня просит...» Рубен говорит: «Пусть приходит». И я год с лишним играл в театре имени Вахтангова. На выходе, на каких-то мелочах. Через год Рубен Николаевич Симонов позвал меня к себе и сказал: «Вот что, я на тебя посмотрел — уходи. Актер профессия зависимая, это не для тебя. Мама сказала, что ты умеешь рисовать. Иди и рисуй. Я ей сам позвоню и все объясню». И он позвонил маме, объяснил. Мама, конечно, стала вздыхать лицемерно, потому что ей не хотелось, конечно, чтобы я стал актером. Таким образом, я пошел в художественную школу, откуда меня тоже быстро вышибли.

Я был шпана, в 110-й школе учителя физики я запер на наборный замок и выпрыгнул со второго этажа, после чего был, конечно, изгнан из школы. В четвертом классе я учился в шести школах. Что говорить — бурная, бурная юность. Масса, конечно, подробностей, масса приключений, масса обстоятельств.

Странный старик и его понимание политики

Едем на велосипедах — путешествие на велосипедах по южноуральской тайге. Вдруг дым... 1953 год, Сталин умер. Дым, мы подъезжаем: старик, лет на двадцать моложе, чем я сейчас, с бородой, гонит деготь. Стоит огромная чугунная кастрюля, с крышкой огромной. Туда накидывается от старых берез кора, закрывается крышка, и под ней разводится огонь. Таким образом вытапливается деготь, дегтярка так называемая. Мы около него поставили палаточку, костер у него горит, мы что-то сготовили, сидим, ужинаем. Я не помню, было у нас спиртное или нет, вообще-то мы в то время спиртным не баловались. Короче говоря, заходит разговор, он говорит: «Ну вот, ребята, значит, Сталин-то помер. А кто таперь амператор?». Мы говорим: «У нас теперь триумвират: Хрущев, Булганин и не помню, кто, Маленков... Нет: Хрущев, Молотов и Маленков». Булганин потом. Он говорит: «Да, втроем, значит?» — «Втроем». — «Это хорошо, втроем, а амператор-то кто?» Пока он нам не надоел, пока мы ему не сказали: «Глава партии — Хрущев». — «Ну тогда другое дело. Значит, он император?» — «Он». Таких приключений было миллион. Когда кончили путешествие, мы с большим трудом в городе Уфе залезли в какой-то веселый поезд, едва-едва достали билеты. Берия выпустил зеков в огромном количестве, в основном уголовников. И все вагоны были забиты уголовниками, едущими из Сибири в европейскую часть. Нам досталось купе, не купейный вагон, а купе, отсек, где было семь человек и велосипеды, а в соседнем купе, таком же отсеке, ехали человек двенадцать грузин — бандиты и воры, и две шалашовки...

Н.Л.: Шалашовки.

Б.Ж.: Шалашовки, которых они по очереди... Простынкой была завешена нижняя лавка... И одна из них, толстая девка все время, когда поезд останавливался, а он все время останавливался, выходила посидеть. Просто намучились, жара же в поезде... А она большая, толстая. Я тоже пару раз выходил, садился рядом с ней и чего-то спрашивал, выспрашивал, уж не помню, про что. Через какое-то время один из воров подходит ко мне: «Слушай, Боба, ты хочешь эту девку, да? Я сейчас скажу ребятам, они тебя в очередь поставят...» (*Смеются.*)

Н.Л.: Это откуда вы ехали?

Б.Ж.: Мы ехали из Уфы в Москву. Очень были осторожные эти грузины. Где-то есть фотография. В какой-то момент остановился поезд, они все выстроились, и я их сфотографировал: золотые зубы, бандиты! Вот такие дела.

Иван Григорьевич Жutowский, дедушка Б.Жutowского. 1914